

УДК: 94(571.6)(=520)

Особенности советско-японского соперничества в развитии нефтяного промысла на Сахалине во второй половине 20-х гг. XX в.

Виталий Николаевич Елизарьев,

кандидат исторических наук, профессор Дальневосточного государственного университета путей сообщения, Сахалинский институт железнодорожного транспорта, Южно-Сахалинск.
E-mail: vn_sakh@mail.ru

В статье рассматриваются поиск и разработка молодым Советским государством мер по нейтрализации политических и экономических преимуществ Японии, обусловленных не только стремительным развитием её экономики, но и содержанием договоров с Российской империей, по которым Япония получила неограниченный доступ к сырьевым ресурсам.

Анализируются особенности концессионной политики СССР в отношении Японии на Северном Сахалине в 1925—1930 гг., когда начальный этап создания советской нефтяной сахалинской промышленности перерос в соперничество различных политических систем за доступ к энергетическим ресурсам острова, ставшее для Токио центральной проблемой в зарождавшемся конфликте с Вашингтоном.

Изучаются факторы, способствовавшие напряжённой борьбе вокруг японской нефтяной концессии на Северном Сахалине. Финансовое, техническое и экономическое превосходство, продемонстрированное Японией на Дальнем Востоке, а также нарастающая милитаризация страны требовали от СССР неотложных мер по созданию собственной нефтяной промышленности и нейтрализации внешних угроз. В изучаемый период разрабатывался стратегический курс по выстраиванию отношений между Москвой и Токио, в центре которых была сахалинская нефть.

Актуальность темы обусловлена не только острыми противоречиями, возникшими в ходе реализации концессионного договора, но и тем, что опыт внедрения иностранного капитала стал экспериментальной лабораторией в подготовке современного использования нефтяных месторождений на шельфе Сахалина в конце XX — начале XXI в.

Ключевые слова: Япония, СССР, Северный Сахалин, нефтяная концессия, трест «Сахалиннефть», концессионная политика СССР в 1925—1930 гг., экономическое соперничество, дальневосточная политика Японии.

Peculiarities of Soviet-Japanese competition in the development of oilfield in Sakhalin in the second half of the 20s of the 20th century.

Vitalij Elizariev, Far Eastern State Transport University, Sakhalin Institute of Railway Transport, Yuzhno-Sakhalinsk, Russia. E-mail: vn_sakh@mail.ru.

The paper examines young Soviet state's search and development of measures for neutralization of political and economic benefits of Japan specified by not only onrush of economy but also by subject-matter of treaties with the Russian Empire; as a result, Japan obtained unlimited access to raw materials resources. The specifics of concessionary scheme of the USSR towards Japan in North Sakhalin in 1925—1930 are analysed when the initial creation stage of Soviet petroleum Sakhalin industry transformed into the competition of various political systems for energy resources access of the island that became a major problem for Tokyo in the incipient conflict with Washington.

The factors promoting an intensive struggle around Japanese oil concession in North Sakhalin are studied. Financial, technical, and economic superiority of Japan in the Far East as well as growing militarization of this country demanded immediate action from the USSR in creation of its own oil industry and neutralization of external threats. During this time period, a new strategic course of relationship building between Moscow and Tokyo with the focus of attention on Sakhalin oil was elaborated.

The relevance of the topic is determined not only by sharp contradictions which appeared during the realization of the concession agreement but also by the fact that the experience of foreign capital adoption became a testing laboratory in the preparation of modern use of oil fields in Sakhalin shelf area at the end of the twentieth century and the beginning of the twenty-first century.

Keywords: Japan, USSR, North Sakhalin, oil concession, Sakhalinneft trust, concessionary scheme of the USSR in 1925—1930, economic competition, Far Eastern policy of Japan.

К ПРЕДЫСТОРИИ ВОПРОСА

Япония стремительно вошла в мировую экономику в последней четверти XIX в. Участие в мировом разделе сфер влияния в начале XX в., милитаризация и нехватка сырья для производства топлива требовали от страны ускоренного поиска источников углеводородов. Поэтому естественно, что сахалинская нефть, месторождения которой расположены вблизи от японских границ, побуждала политиков использовать любые возможности для получения данных ресурсов. Захват Северного Сахалина и его нефтяных площадей в 1920 г. стал ключом к морскому, а следовательно, государственному и политическому могуществу Японии на Тихом океане, что было особенно важно в связи с её ухудшающимися отношениями с США.

Чтобы сохранить свои нефтяные интересы на острове, Япония вела долгие и изнурительные переговоры с РСФСР и СССР, требовавших вывода её войск с оккупированной части Сахалина. Ещё в 1918 г. на его восточном побережье впервые появились японские геологи фирмы «Кухара». Все их

работы велись в строжайшем секрете и проходили в Ныйском и Чайвинском районах. Трудились только японцы (до 1000 чел.), а саму территорию охраняли военные [АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 8. П. 112. Д. 18. Л. 1—14, 123].

Из указанных районов было вывезено оборудование Ф.Ф. Клейе¹ (3 буровые машины со всеми приборами) стоимостью около 1,5 млн золотых рублей, которое в 1920 г. снова доставили на Сахалин уже как собственность Японии. В 1923 г. японцы имели 15 вышек, а в январе следующего года получили мощный нефтяной фонтан у залива о. Уркт [АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 8. П. 112. Д. 18. Л. 164].

Руководству нового государства (СССР), возникшего на руинах Российской империи, необходимо было решить вопрос о ценности Сахалина, репутацию которого сильно подорвало появление каторжной колонии. Япония даже пыталась купить Северный Сахалин, чтобы получить доступ к нефти, так необходимой для её экономики.

Советский Союз после некоторых сомнений отказался от продажи, решив тщательно обдумать процесс предоставления японцам концессий в обмен на вывод их войск. Необходимо было взвесить все варианты: при малонаселённости Северного Сахалина создавалась значительная угроза того, что с получением концессий японцы могут оказаться в роли его хозяев. Этому способствовало содержание Санкт-Петербургского (1875) и Портсмутского (1905) договоров, по которым Япония получила значительные преференции по расширению экономического влияния на всю прибрежную часть русского Дальнего Востока, а также возможность усиления своего политического превосходства в этой части азиатского континента.

Стремительное развитие экономики Японии, рост милитаризма и амбиций по захвату всего российского Дальнего Востока с тревогой отмечались в депешах русских послов в Токио. В одной из них от 5 апреля (23 марта) 1916 г. отмечалось: «современное политическое положение Японии значительно разнится от того, каким оно было перед войной. За прошедшие 18 месяцев международные условия настолько изменились, что ныне Японию надо признать не только великой дальневосточной, но и мировой державой» [3, с. 571].

Продажа 300 тыс. ед. оружия Российской империи, интервенция на Дальнем Востоке, увеличение золотого запаса за время Первой мировой

¹ Немецкий горный инженер Ф.Ф. Клейе в 1898—1899 гг. нашёл ряд нефтяных выходов на берегу Набильского залива и по речкам Боатасино и Нутово. Потратив все свои средства на разведку и поездки, он был вынужден искать капитал за границей и образовал в Лондоне синдикат «Сахалино-Амурская нефть» с капиталом в 1 млн ф. ст., но Русско-японская война помешала развитию дела. В 1908 г. принадлежащему Ф. Клейе представительству в Китае удалось заинтересовать группу германских и китайских капиталистов, которые в том же году отправили экспедицию на восточный берег Сахалина.

Став российским подданным, Ф. Клейе получил 18 нефтяных отводов (10 на Нутово, 5 на Боатасино, 3 на Ноглики), организовал в Тяньцзине «Немецко-китайскую компанию» и на её деньги развернул в 1908 г. буровые работы. В 1914 г., не добившись результатов, Ф. Клейе прекратил деятельность на Нутовской и Боатасинской площадях. В том же году он умер.

войны привели Японию к навязчивым идеям по приобретению Северного Сахалина любой ценой. Уже в 1915 г. её правительство рассматривало вопрос «о вознаграждении Японии за продажу России 200—300 тыс. винтовок уступкой северной половины Сахалина» [2, с. 236].

Это же ощущение превосходства и политический настрой сохранялись в период всех переговоров ДВР, РСФСР и СССР с Японией по снятию оккупации с Северного Сахалина. В их ходе Токио дважды пытался обсудить продажу северной части острова, но, поняв бессмысленность своих усилий, перешёл к концессионным вопросам. Японские расчёты показывали, что «промышленное использование сахалинской нефти позволит вполне освободиться от ввоза нефти и продуктов её перегонки» [ГИАСО. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 138. Л. 43]. К тому же их доставка с Сахалина была в 5—6 раз выгоднее, чем из США или других мест [4, с. 3—5].

Для изменения ситуации требовалось выработать стратегию долгосрочной политики СССР по отношению к Японии на Сахалине. 17 июля 1925 г. под председательством Г.В. Чичерина прошло совещание по концессионным вопросам на Дальнем Востоке, где было решено немедленно приступить к созданию на острове концессий.

Состав делегации, прибывшей в Москву в конце июля 1925 г., выдал истинность стратегических намерений Японии. Группу, включавшую офицеров японского генштаба, возглавил адмирал Сигецуру Накасато, имевший от японского правительства полномочия во что бы то ни стало заключить договор.

Как заявлял Накасато, его отправили в Москву для «спасения японского флота». Делегация стремилась получить в эксплуатацию большой нефтяной район на максимальный срок при минимальном долевом отчислении. Морское министерство Японии уже вложило значительные капиталы в предприятия общества «Хокусинкай» и, затратив около 5 млн иен на разведку и бурение нефти, действительно первым открыло на Северном Сахалине запасы промышленного значения в городах Оха, Нутово и Катангли.

Неотвратимость заключения концессионного договора, определённая Пекинской конвенцией, вынудила СССР ускорить создание собственной нефтяной промышленности на Сахалине.

Для эксплуатации нефтяных месторождений в 1926 г. в Японии было основано Акционерное общество Северо-Сахалинских нефтяных предприятий — «Кита Карафутто Секию Кабусики Кайся» — с основным капиталом концессионера в 10 млн иен², или 200 000 акций по 50 иен. Его акционерами являлись фирмы «Ниппон», «Секию», «Кухара Когио», «Мицуи», «Мицубиси» и др. Председателем общества избрали адмирала С. Накасато, его заместителем — представителя банка «Мицубиси Ногутти».

С этого момента Япония и СССР вступили в длительную политическую игру на Сахалине, каждый из участников которой имел разные тактические и стратегические планы.

² 100 млн долл. США в ценах за 2014 г.

МЕРЫ, ПРЕДПРИНИМАЕМЫЕ ЯПОНИЕЙ ПО УСИЛЕНИЮ СВОЕГО ВЛИЯНИЯ НА СОВЕТСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 1925—1930 гг.

Первый этап реализации концессионного договора являлся для Токио продолжением демонстрации возможностей по монополизации своего влияния на советском Дальнем Востоке, включающей тотальное проникновение японского капитала к сырьевым ресурсам региона и, в частности, Сахалина. Всё это проходило на фоне настойчивых попыток США также получить доступ к данным районам.

Японцы создавали инфраструктуру, основой которой были солидный финансовый капитал и новейшие технологии в области разведки, эксплуатации, добычи и переработки сырьевых запасов. Стремительно росло влияние торгового и пассажирского флота Японии, началось установление экспрессных судоходных линий между портами этой страны и её предприятиями на советском Дальнем Востоке.

Стремление Японии к эффективности своего пребывания в регионе проявлялось во многих сферах:

- 1) В создании мощных баз на Хоккайдо, поставлявших «северным территориям», где действовали японские промышленники, товары, продовольствие, запчасти, тоннажный флот. Суда СССР тоже заходили на эти базы, используя их как источник снабжения.
- 2) В проведении геологоразведки на суше, а также в выполнении широкомасштабных исследовательских работ в морских акваториях, чтобы взять под контроль миграционные пути рыб.
- 3) В ускоренном эксплуатационном бурении скважин на Северном Сахалине для обеспечения превосходства Японии в добыче нефти и — одновременно — «подсоса» советских нефтяных квадратов³.
- 4) В основательном обустройстве нефтяных промыслов. Председатель Полномочной комиссии ЦИК СССР по принятию Северного Сахалина В.Я. Аболтин писал, что промыслы состояли из городков, оснащённых по последнему слову техники: «с электрическим освещением, внутренними телефонами и прочими сооружениями». В них были прекрасно оборудованные казармы, а также «остальные дома для рабочих и служащих» [АВП РФ. Ф. 146. Оп. 8. 1925. П. 9. Д. 25. Л. 57—58].
- 5) В избыточных поставках в концессионные магазины качественных продовольственных и промышленных товаров, чтобы создать впечатление изобильной, благодетельствующей Японии [АВП РФ. Ф. 0146. 1933. Оп. 16. П. 155. Д. 41. Л. 45].

³ Согласно договору от 14.12.1925 г., СССР на 45 лет передавал в эксплуатацию японцам нефтяные и угольные месторождения Северного Сахалина. Восемь нефтяных месторождений (Оха, Нутово, Пильтун, Эхаби, Ныйво, Уйглекуты, Катангли, Чайво) общей площадью около 5 тыс. га были разделены по 50% между СССР и концессионером и разбиты в шахматном порядке на участки.

- 6) В демонстрации преимуществ японской техники, в частности предназначенной для морского передвижения, в условиях «почти полного отсутствия у пограничников плавучих средств», что позволило С. Накасато организовать «пышную поездку на роскошной яхте по побережью Сахалина» [ГИАСО. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 70. Л. 4, 38].
- 7) В предоставлении неограниченных финансовых ресурсов для решения многочисленных проблем Северного Сахалина.
- 8) В строгой полувоенной организации труда с крепкой трудовой дисциплиной.
- 9) В тщательном отборе специалистов и рабочих, многие из которых были кадровыми военными или проходили военную службу.
- 10) В привлечении специальной группы учёных и специалистов «во главе с небезызвестным вдохновителем аннексии и порабощения Кореи и Сибирской интервенции проф. Торли для изучения археологических остатков на Советском Дальнем Востоке с твёрдым заданием подобрать материал для „научного“ обоснования японских претензий на Дальневосточный край» [ГИАСО. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 70. Л. 4].
- 11) В тщательном отслеживании всех мероприятий, проводимых СССР в местах размещения японских предприятий, для анализа национальной политики Советского Союза и поиска её слабых мест с целью начать работу по «прощупыванию» отношения аборигенов к советской власти.
- 12) В продумывании и подготовке актов вредительства в отношении зарождающейся промышленности советского Дальнего Востока.
- 13) В грубом попирании требований Международной конвенции 1911 г. о запрете уничтожения морских котиков, мигрировавших с Командорских островов к Хоккайдо⁴, и т.д.

Япония была намного опытнее Советского Союза в вопросах поиска и разведки нефти. «Японцы выяснили то, чего не могли достигнуть русские с 1889 г., несмотря на упорные их труды и большие потери средств» [ГИАСО. Ф. П-4702. Оп. 1. Д. 44. Л. 80—81]. Если сразу после оккупации Северного Сахалина японцы приступили к разведке с использованием ручного бурения, то в 1921 г. поиск осуществлялся ими по всему восточному побережью с помощью не только этого метода, но и глубокого вращательного, ударного и алмазного. Работами были охвачены Оха, Эхаби, Пильгун, Нутово, Боатасин, Ноглики, Уйглекуты и Катангли. В 1925 г. деятельность приостановилась, но после заключения Пекинского договора возобновилась снова. За это время пробурили 31 скважину: 16 — ручным методом, 6 — вращательным, 7 — канатным, 2 — алмазным [ГИАСО. Ф. П-4702. Оп. 1. Д. 44. Л. 80]. На разведанных месторождениях работы

⁴ В 1911 г. в Вашингтоне прошла конференция представителей четырёх стран, ведущих добычу этих животных, — России, США, Англии (представляла интересы Канады) и Японии. В итоге была выработана и подписана Международная конвенция о запрещении морского промысла котиков.

японцев, уверенных в подписании концессионного договора, не прекращались и после вывода оккупационных войск.

Советская горно-геологическая экспедиция⁵ признала перспективность промышленной эксплуатации месторождений, что подтолкнуло СССР к развитию собственной нефтяной промышленности.

В свою очередь, Япония беспрепятственно, как фактический монополист на Северном Сахалине, не дожидаясь заключения соглашений с Москвой, продолжала добывать нефть. К 1 октября 1925 г. будущие концессионеры уже имели 453 570 пудов нефти, а к 1 января 1926 г. — 625 050 пудов [ГИАСО. Ф. П-4702. Оп. 1. Д. 44. Л. 82].

СИТУАЦИЯ НА СЕВЕРНОМ САХАЛИНЕ ВО ВРЕМЯ СОЗДАНИЯ И НАЧАЛА РАБОТЫ КОНЦЕССИИ

Малонаселённость, политическая мешанина, оставшаяся после завершения каторжного режима, японская оккупация и непрерывная деятельность рыбопромышленников на Дальнем Востоке значительно усложняли ситуацию, сложившуюся на Северном Сахалине.

По данным на 31 октября 1923 г., опубликованным японской военной администрацией, число жителей Александровского и Тымовского районов, к которым относилась и северная часть острова, увеличилось в сравнении с 1914 г. в 1,5 раза. При этом русские, к началу 1924 г. насчитывавшие 6571 чел. (на 1043 чел. меньше, чем в 1914 г.), составляли лишь 43,2% (против 72,4% в 1914 г.) от основной массы населения. Японцев было 23,4%, корейцев — 9,5%, китайцев — 7,9%, аборигенов (гиляков, тунгусов и др.) — 16% [АВП РФ. Ф. 146. Оп. 8. 1925. П. 9. Д. 25. Л. 25]. Русские жили здесь со времён каторжного режима и не испытывали симпатий к новой власти. Японцы, корейцы и китайцы пришли в период оккупации Северного Сахалина.

Внешние угрозы, способные при определённых условиях нанести непоправимый вред развитию советской части острова, который стал к началу 1926 г. устойчивым источником энергетических ресурсов для Японии, были обусловлены рядом факторов. Это и специфический состав населения, и наследие каторжного периода, и остатки интервенции, вызванной японской оккупацией в 1920—1925 гг. (хотя японцы давно хозяйничали на рыбных промыслах Сахалина), и стремление Токио получить постоянный источник энергоресурсов.

Специалисты, производившие оценку ситуации на острове после начала деятельности японского концессионера, пришли к следующему выводу: «состав населения, которое не имело оснований питать особой привязанности к „материку“, „родине“, обусловил наряду со специальной

⁵ Направлена по решению Президиума ВСНХ СССР летом 1925 г., в её состав вошли Н.А. Худяков, М.М. Пригоровский, А.Н. Криштофович, С.И. Миронов, А.И. Косыгин, Н.А. Кудрявцев, Н.С. Абазов.

работой японцев, относительный расцвет японофильских тенденций... каждый задавал вопрос: что будет после занятия острова большевиками? Т.к. с одной стороны, японцы до эвакуации вели сильную агитацию в смысле взыскания Советским правительством с них за 5 лет оккупации налогов, страшной большевистской мести, и с другой — боязнь некоторых лиц получить заслуженную кару, как за свою прошлую контрреволюционную деятельность, так и за особые заслуги, оказанные им японцам за время оккупации» [АВП РФ. Ф. 146. Оп. 8. 1925. П. 9. Д. 25. Л. 55].

Крестьяне, не имевшие понятия о жизни в Советской России, были сильно подвержены влиянию японской жандармерии, старавшейся оградить их от политических и других мировых событий и снабдить контрреволюционной литературой, содержание которой в самых ярких красках изображало жизнь советского крестьянина под гнётом тяжёлого налога и прочих бедствий [АВП РФ. Ф. 146. Оп. 8. 1925. П. 9. Д. 25. Л. 56].

В докладе комиссии ЦИК по обследованию Камчатского и Сахалинского округов Дальневосточного края (Камчатско-Сахалинской комиссии) отмечалось: «высокие заработки при интервентах и ряд, хотя и бутафорных, но всё же общественно полезных мероприятий (электрическая станция и водопровод в г. Александровске, рыбоперерабатывающий завод на р. Тыми, питомник лисиц в с. Михайловка, улучшение грунтовых дорог, декавилька от Александровска до Дербинского) сменились за время советской власти относительно низкими (по сахалинским условиям) заработками и упадком упомянутых предприятий в связи с совершенно недостаточными ассигнованиями по государственному и местным бюджетам», «с уходом японцев узкоколейка была разобрана, питомник лисиц был ликвидирован, рыбоперерабатывающий завод пришёл в упадок, дороги вернулись в первоначальное состояние, исчезла аэросвязь и большие заработки» [ГИАСО. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 70. Л. 10—11].

Гиляки, орочёны и тунгусы характеризовались как народ, спившийся в полном смысле этого слова. Говорилось о юртах, где кроме отвратительной грязи и грозных признаков голода не было ничего, а люди грызли юколу, заготовленную на корм собакам. Уровень снабжения Сахалина был низким, что влекло за собой массовые цинготные заболевания и высокую детскую смертность. Названные обстоятельства обуславливали зависимость аборигенов от импорта, осуществляемого японцами [АВП РФ. Ф. 146. Оп. 8. 1925. П. 9. Д. 25. Л. 56].

Знакомясь с материалами разных ведомств и учреждений на Дальнем Востоке и в Москве, комиссия пришла к следующему выводу: «средства в предприятия Дальневосточного края нужно вкладывать с большой оглядкой, т.к. они при первом военном столкновении на Дальнем Востоке будут захвачены». Также указывалось, что «...многие работники центральных, московских аппаратов ведомств и учреждений на деле таким взглядом руководствуются» [ГИАСО. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 70. Л. 46].

Учёные и специалисты внимательно рассматривали схемы разделения нефтеносных площадей, направляли аналитические записки и письма

руководству Наркоминдела, высказывая порой различные точки зрения⁶. Однако все сходились в одном: необходимо срочно создать Сахалинский трест по добыче нефти с капиталом не менее 10 млн руб. и через год приступить к разработке этого ресурса, а также образовать «солидную экономическую и культурную базу для настоящей советизации Сахалина» [ГИАСО. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 70. Л. 11].

Расширяющиеся милитаристские планы Японии, её стремление усилить свои позиции на Дальнем Востоке вынудили Москву уже через год после подписания договора с Токио принять меры по изменению концессионной политики. В августе 1927 г. Политбюро ЦК ВКП(б) решило, что дальнейшее расширение японских концессий нецелесообразно, и отдало распоряжение приступить к нефтяным разработкам своими силами [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 647. Л. 10—11].

В марте 1928 г., не дожидаясь образования нефтяного треста, в Оху прибыла группа технических специалистов, а в начале июля вместе с семьями приехало 285 рабочих, завербованных Наркомтруда СССР с нефтяных промыслов Кавказа. С созданием в середине 1928 г. государственного треста под названием «Сахалиннефть» (в XXI в. трансформировался в крупнейшую мировую компанию «Роснефть») началась острая конкурентная борьба Японии и Советского Союза за лучшие участки нефтедобычи, увеличение объёмов проходок скважин и добычу углеводородов.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО МЕЖДУ ЯПОНСКОЙ КОНЦЕССИЕЙ И СОВЕТСКИМ ТРЕСТОМ

Результаты деятельности японского концессионера

Первыми приступив к добыче нефти, японцы стремились добиться максимальных преимуществ и создать заделы на будущее, чтобы превратить концессию в опорную ресурсную базу своей страны.

Архивные документы свидетельствуют: стремясь расширить политическое и экономическое влияние на Северном Сахалине, укрепить полученную топливную базу, Токио изначально вкладывал в концессии большие средства, объёмы которых с каждым годом росли: в 1921—1925 гг. они составили 1 778 000 руб., в 1926 г. — 1 171 000 руб., в 1927 г. — 1 513 000 руб., в 1928 г. — 3 564 000 руб.

⁶ Так, Б.А. Похвалинский, заместитель заведующего отделом Дальнего Востока НКВД СССР, утверждал, что выгоднее делить участки месторождения нефти на малые квадраты. А профессор И.Н. Стрижов (выдающийся российский учёный, инженер и педагог, внёсший существенный вклад в развитие геологии и нефтегазовой науки, в открытие и освоение многих месторождений полезных ископаемых) считал: шахматная система будет выгоднее японцам, т.к. они, уверенные, что в течение ближайших 5 лет СССР не сможет приступить к эксплуатации нефти на смежных участках, начнут высасывать её с советского треста [АВП РФ. Ф. 146. Оп. 9. 1926. П. 12. Д. 10. Л. 22].

Усиление японского влияния на работах в концессии на территории СССР и стремление к увеличению поставок нефти в Японию вызывались ещё и тем, что потребность этой страны в углеводородах с каждым годом возрастала, а и без того мизерные объёмы собственной добычи нефти сокращались.

Таблица 1

Динамика добычи и ввоза нефти Японией

Год	Годовой дебет в Японии (в тоннах)	Импорт из-за границы (в тоннах)
1925	276 000	586 000
1926	262 000	641 000
1927	263 000	836 000
1928	297 000	1 218 000
1930	301 000	1 335 000

Составлено по: [АВП РФ. Ф. 146. Оп. 18. 1935. П. 41. Д. 15. Л. 104].

Япония была вынуждена удовлетворять свои потребности только за счёт импорта. В данных условиях богатые месторождения на Сахалине в качестве потенциальной базы представляли колоссальный интерес для страны. Несмотря на то, что работы на нефтяной концессии к 30-м гг. ещё полностью не развернулись (в 1928 г. из восьми участков, предоставленных по договору, эксплуатировался только Охинский⁷), добыча на них за 1927–1928 гг. составляла уже 60% всей нефтедобычи в Японии [ГИАСО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 102. Л. 5].

Таблица 2

Капитальные вложения японской нефтяной концессии с 1926 по 1930 г. (в иенах)

Годы	Расходы на эксплуатационное бурение	Расходы на разведочное бурение
1926	3 197 000	—
1927	1 130 220	94 993
1928	1 238 269	157 162
1929	1 071 403	670 318
1930	1 271 403	1 054 589
Всего:	7 908 295	1 977 062

Составлено по: [Журнал «Ничиро ненкан», 1941, С. 876 // АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 28. П. 260. Д. 42. Л. 39].

⁷ На Северном Сахалине Япония работала на местности Оха, где нефтяные поля тянулись с юга на север на расстоянии 60 японских ри (около 240 км) параллельно с восточным берегом и имели месторождения: Оха, Эхаби, Пильтун, Нутово, Поромай, Хангуза, Катангли, Ногуриц, Конги и Больмай [АВП РФ. Ф. 146. Оп. 18. 1935. П. 41. Д. 15. Л. 104].

Из таблицы видно, что Япония вложила в эксплуатационное бурение за 1926—1930 гг. 7,9 млн иен, почти столько же, сколько за последующие 1931—1939 гг. (8,8 млн иен). Особенно много инвестиций было в 1926 г. — 3,2 млн иен. В сравнении с этим количество средств, выделяемых на разведочные работы, являлось незначительным, что также демонстрирует намерения японцев в отсутствие советского конкурента или в период его становления «выхватить» быстрые объёмы углеводородов.

Характеристика вложений нефтяной концессии показывает, что основные капиталы шли в первую очередь на приобретение и завоз запасного оборудования и материалов, создавая необходимые условия для устойчивой работы в период после завершения навигации, а после — на строительство нефтехранилищ и нефтепроводов. Это объяснялось коротким периодом навигации и стремлением при необходимости обеспечить масштабное развёртывание буровых и эксплуатационных работ.

В первые годы деятельности японцы стремились к увеличению своего политического и экономического влияния на Северном Сахалине, расширяли работу концессий. Токио желал получить остров в качестве базы в случае возможных военных действий против СССР. Для труда на концессии подбирали людей призывного возраста, должности руководящего (supervisors — супервайзеры) и технического персонала занимали бывшие кадровые офицеры и солдаты экспедиционного корпуса японской армии.

К концу 20-х гг. концессионер ввёл в эксплуатацию 40 скважин, построил 12 резервуаров для хранения нефти ёмкостью до 82 тыс. т, нефтепровод, 11 дековилек, пароход, 10 кунгасов, 10 катеров, 4 пристани, 11 котельных, 21 паровой котёл, водопровод и паропровод, механическую мастерскую, лесопильный завод, радиостанцию, электростанцию, насосную станцию, телефонную станцию, лабораторию, рефрижератор, железную дорогу с 2 паровозами, депо, компрессор, здание для нефтепереработки, столовую, русскую баню, 3 японских бани, 29 жилых домов по 44,35 кв. м, 2 прачечные, школу, клуб и т.д. [1, с. 105].

Таблица 3

Добыча и отправка сахалинской нефти в Японию в 1925—1930 гг.

Годы	Добыча (в тн)	Отправка (в тн)	Примечание
1925—1926	16 261	20 763	
1926—1927	59 839	46 967	
1927—1928	92 012	89 882	+52% к 1927—1928 гг.
1928—1929	150 000	136 834	Около 60% всей добычи в Японии
1929—1930	196 272	178 335	
Итого:	514 384	472 781	

Составлено по: [АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 28. П. 260. Д. 42. Л. 10].

Темпы развития японской концессии впечатляют, если принять во внимание все трудности, связанные с исполнением подписанного договора, с которыми ей приходилось сталкиваться.

Проблемы советского нефтяного треста и показатели его работы

Положение дел обязывало СССР противопоставить японскому влиянию на Северном Сахалине развитие государственных предприятий. В начале октября 1928 г. трест «Сахалиннефть» на Охинском месторождении начал бурение, а 5 ноября с глубины 192 м была получена первая советская нефть. До конца того же года скважина дала 295,7 т сырой нефти, всего прослужив 2919 дней и принеся в общей сложности 25 976 т) [5]. За 1928 г. трест пробурил 483 м, японцы — 2520 м.

Таблица 4

Сравнительные показатели работы
АО «Кита Карафуто Секию Кабусики Кайся» и треста «Сахалиннефть»

Год	Проходка в метрах		Добыча тыс. т		Добыча на 1 метр проходки	
	ККСКК	«Сахнефть»	ККСКК	«Сахнефть»	ККСКК	«Сахнефть»
1921	133	—	—	—	—	—
1922	462	—	—	—	—	—
1923	959	—	1,4	—	1,4	—
1924	1 440	—	12,5	—	8,7	—
1925	134	—	3,6	—	26,9	—
1926	1 053	—	28,4	—	27,0	—
1927	960	—	68,7	—	71,6	—
1928	2 520	483	106,6	0,2	42,3	—
1929	2 420	2 602	174,1	26,1	72,0	10,0
1930	2 434	5 331	193,0	96,3	79,5	18,1
Итого:	12 515	8 416	588,3	122,6	Средняя — 41,2	Средняя — 14,05

Составлено по: [АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 21. П. 187. Д. 28. Л. 142].

Сравнительная таблица показателей работы концессионера и треста наглядно демонстрирует темпы развития советских мощностей по разведке, бурению и добыче нефти в первые годы становления сахалинской нефтепромышленности.

По справкам представителей НКВД⁸ на Сахалине, буровые и эксплуатационные работы «Сахалиннефти» за 1928—1930 гг. показывают: концессионер более чем в 2 раза опережал советский трест в бурении скважин. Японцы владели богатыми нефтью территориями, организуя «подсос» советских нефтяных квадратов и обеспечивая себе гарантированную добычу.

Специалисты, направленные на Сахалин для организации подготовительных работ по созданию нефтепромышленности и получившие приказ любой ценой добиться поставленных целей, столкнулись с серьезными проблемами.

⁸ Наркомат иностранных дел.

КАДРОВЫЙ ГОЛОД

В материалах по горнодобывающей промышленности, собранных в 1926—1927 гг., отмечалось: «...рабочий вопрос как таковой в связи с намечающимся развитием промышленности... займёт одно из видных мест... весь ход экономического развития острова за последние годы покоился исключительно на привозной рабочей силе. Образование кадров рабочих из местного населения... почти совершенно не имело места... преобладающую массу в привозной рабочей силе составляли восточные рабочие, как наиболее дешёвая рабочая сила» [ГИАСО. Ф. П-4702. Оп. 1. Д. 44. Л. 1].

Увеличение числа русских началось с выводом японских войск и созданием советского управленческого аппарата. Наряду с этим росла безработица среди местного населения, основную массу которого составляли неквалифицированные кадры.

При выполнении условий концессионного договора, где были прописаны обязательства СССР в обеспечении рабочей силой (следовало выдерживать процентное соотношение рабочих и служащих с японской и советской стороны), начались проблемы. Комплектование кадров, по справкам агентов НКВД, стало регулироваться только с 1927 г., т.к. дальневосточный рынок труда не мог выделить необходимых рабочих для угольного, а тем более нефтяного производства, и органы надзора вынужденно разрешали завоз иностранцев сверх нормы.

Окраинное положение Сахалинского округа при быстром возникновении промышленности на острове невыгодно отражалось на составе контингента местных предприятий: «Помимо того, что в числе рабочих, направляемых на Северный Сахалин, отсутствует квалифицированная рабочая сила, — эта масса рабочих содержит в своём составе значительный процент уголовного элемента (умышленно высылаемого Владивостоком на Северный Сахалин)» [АВП РФ. Ф. 146. Оп. 12. П. 28. Д. 19. Л. 7—11].

Из документов и многочисленных справок видно, что, к примеру, на концессии в августе 1929 г. трудился 2591 рабочий, в т.ч. 1829 японцев и 692 советских гражданина. У треста имелось почти столько же людей (2555 чел.), но объём выполненных работ был меньше, что объяснялось высокой текучестью кадров, недочётами в системе расценок, нераспорядительностью руководящего аппарата и значительно влияло на производительность и себестоимость труда.

В сложившейся ситуации в отдельных группах рабочих наблюдались японофильские настроения, которые уживались рядом с антисоветскими. НКВД ещё в 1927 г. неоднократно обращал внимание профсоюзных органов на необходимость улучшения качества завозимого на Северный Сахалин контингента. В конце 1927 г. М.П. Томский⁹ обещал сделать всё

⁹ Томский М.П. — председатель президиума Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов.

возможное, в то же время указав, что в ближайшие 10 лет возможности доставлять на Северный Сахалин «на сезонную работу за низкую зарплату культурных, непьющих, скромных и трудолюбивых чернорабочих» не предвидится [АВП РФ. Ф. 146. Оп. 12. П. 28. Д. 19. Л. 7—11].

ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОС

У предприятий треста отсутствовало жильё для рабочих, отвечающее даже самым элементарным требованиям, администрация не вникала в повседневные нужды людей, охрана труда не соблюдалась, а на обычных сотрудников управленческий состав смотрел «глазами предпринимателей оккупационного периода» [ГИАСО. Ф. П-4702. Оп. 1. Д. 44. Л. 3—4].

В 1929 г. отмечалось: жилая площадь концессионера к концу строительного сезона составит 12 610 кв. м, не считая палаток с паровым отоплением, в которых раньше рабочие жили круглый год. «Сахалиннефть» будет иметь примерно 12 тыс. кв. м, включая весь сезонный городок, состоящий из 60 фанерованных палаток. Так как на зиму у концессионера остаётся только около 1300—1500 чел., преимущественно холостяков, то разница жилищного положения по сравнению с трестом будет весьма значительной. При этом «Сахалиннефть» не выполнил программу коммунального строительства, за первое полугодие 1929 г. вместо 714 кв. м построив только 297 кв. м [АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 14. П. 147. Д. 18. Л. 15—17].

Такие проблемы возникали часто, и бюро окружкома 1 августа 1930 г. в п. 16 своего постановления отметило: «принимая во внимание, что рабочие уже в течение 2-х лет проживают зимой в палатках, предложить тресту „Сахалиннефть“ к наступлению зимы обеспечить рабочих зимним помещением, хотя бы барачного типа, на 100%» [АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 14. П. 147. Д. 18. Л. 15—17].

ДОСТАВКА СТРОИТЕЛЬНЫХ И ДРУГИХ МАТЕРИАЛОВ

Отсутствие хорошей инфраструктуры на советском Дальнем Востоке, а также судоходных средств, развитой промышленности в совокупности с длинными зимами, диктовавшими необходимость заблаговременного создания запасов продовольствия, материалов, инструментов, оборудования и техники, тяжёлая ледовая обстановка, плохая организация работ — всё это создавало дополнительные проблемы на севере Сахалина, оторванного проливом от материка. На фоне сытости и обеспеченности концессионера всем необходимым, регулярного морского сообщения между Японией и островом организация снабжения зарождающейся промышленности на советском Сахалине выглядела беспомощной.

Таблица 5

**Сравнение завоза грузов для треста «Сахалиннефть»
и концессионера в 1928—1929 гг.**

	1927/1928 опер. год	1928/1929 опер. год
Концессионер	Первый груз пришёл 4.06, к 1.07 прибыло 12 064 т грузов, к 1.09 — 13 771 т.	Первый груз пришёл 19.06, к 1.08 прибыло 11 383 т грузов.
Трест «Сахалиннефть»	Первый груз пришёл 11.07, 1.09 прибыло 5148 т грузов.	Первый груз пришёл 18.06, к 1.08 прибыло 2885 т грузов.

Составлено по: [АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 14. П. 147. Д. 18. Л. 16].

Фактическая дезорганизация производства из-за постоянной нехватки материалов, инструментов и прочего создавала систему поголовного воровства оборудования и инструментов с предприятий концессионера. Зачастую кража происходила с ведома, а то и по прямому указанию руководителей. За успешно выполненную операцию рабочие премировались водкой. Начало этому положили единичные случаи организованного присвоения гвоздей, скоб для дековилек и т.д.

«В последнее время доходило до краж вагонеток, башмаков и т.д. Была организована работа по превращению японских частей в советские... Японцы об этом знают, жалуются и протестуют, а охинские деятели исходят из старой истины: „не пойман, не вор“» [АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 14. П. 147. Д. 18. Л. 15—17].

При оценке общего состояния деятельности треста специалисты НКВД отмечали, что твёрдого, основанного на конкретных данных плана не было, а следовательно, отсутствовали ясные перспективы в работе. Отдельные представители «Сахалиннефти» ждали результатов работ и разведок, осуществлённых японцами, чтобы затем строить свою программу на показателях концессионеров.

В итоге у треста складывалась угрожающая ситуация с капитальным строительством: «...1) жилищным, 2) водопроводным, 3) парового отопления, 4) нефтепровода, 5) электростанции, 6) механических мастерских, 7) нефтеперегонного завода, 8) резервуарной ёмкости, 9) электрических сетей и т.п.» [АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 14. П. 147. Д. 18. Л. 15—17].

Отставание в строительстве как производственных, так и жилищных объектов приводило к нарастанию проблем в работе всего треста. Так, в результате переноса сроков ввода в эксплуатацию хранилищ и нефтепроводов нефть, добываемую в советском тресте, некуда было девать из-за заполненности имеющихся ёмкостей.

Данным обстоятельством сразу воспользовались японцы, начав закупать у «Сахалиннефти» углеводородное сырьё. Далее, используя эту слабость, концессионеры стали диктовать свои условия. В октябре 1930 г. агент НКВД докладывал из Охи: «Затягивание подписания нового договора по закупке продукции Сахнефти, которое на сегодняшний день фактически

создаёт угрозу полного прекращения работ в связи с резким недостатком ёмкостей, лишний раз подтверждает этот основной уклон нефтяной политики японцев на Сахалине» [АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 14. П. 147. Д. 18. Л. 16].

К концу 1929 г. у японцев действовало 58 нефтяных колодцев, в 1930 г. их число выросло до 80, а объём нефти, добытой до сентября 1930 г., включая 30 тыс. т, приобретённых у России, достиг 198 тыс. т (т.е. возрос на 67 тыс. т). Взносы за нефть, купленную у советских организаций в 1929 г., равнялись 600 тыс. иен, а предполагаемая прибыль в 1930 г. должна была составить 2,1 млн иен [АВП РФ. Ф. 146. Оп. 13. 1930. П. 30. Д. 9. Л. 1]. В 1931 г. объёмы закупки концессионерами нефти у треста удвоились.

В апреле 1929 г. Политбюро ВКП(б) приняло несколько решений: установить строгий надзор за выполнением японцами концессионных договоров, подчинить сахалинские горные округа непосредственно НКТП¹⁰ [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 7. Л. 63—64]. Это позволяло уполномоченным кругам и различного рода чиновникам приступить к тщательному изучению всех сторон деятельности концессионера в соответствии с подписанным договором.

Однако начавшийся мировой экономический кризис несколько поменял намеченные планы. Япония страдала от нехватки углеводородов, в то время как у СССР появились излишки сырой нефти, которую не успевали перерабатывать. Деловые круги Японии воспользовались этим и подготовили почву для переговоров с Москвой об увеличении поставок углеводородов, в т.ч. и с советских промыслов Сахалина.

Таким образом, активная работа нефтяной концессии на Сахалине во второй половине 20-х гг. XX в. исходила из сложившейся политической, экономической и финансовой ситуации в Японии и вполне соответствовала планам этой страны по усилению её влияния на Дальнем Востоке.

Перейдя на концессионную добычу нефти на Северном Сахалине, Япония получила возможность постоянно демонстрировать преимущества в развитии и организации своей промышленности. Бесперебойно обеспечивались нужды не только концессионных предприятий, но и их работников, опережающими темпами шло строительство нефтехранилищ и нефтепроводов. Такая политика привела к почти полной зависимости работы советского треста от концессии: из-за нехватки собственных резервуаров «Сахалиннефть» вынужденно продавал добываемую нефть японцам по устраиваемым их ценам.

Формирование на Сахалине нефтяной промышленности в условиях начавшегося в 1927—1930 гг. соперничества за освоение недр со всей остротой поставило перед СССР вопрос о взаимоотношениях с Японией и её концессиями на острове. Эта борьба в короткие сроки перешла из экономической плоскости в политическую.

К концу 20-х гг. Москве было ясно: несмотря на все мелкие неурядицы между концессионером и трестом, вызванные неудовлетворительными

¹⁰ Народный комиссариат тяжёлой промышленности.

условиями функционирования «Сахалиннефти» на фоне благополучия японцев, необходимо тщательно продумать стратегию всех последующих отношений с Токио, для которого сахалинская нефть стала наиважнейшим условием политического развития. По оценкам специалистов, уже в 1930 г. количество нефти только трёх основных участков Охинской концессии превзошло всю добычу Японии вместе с Формозой.

В конечном счёте именно сахалинская нефть явилась одной из причин подписания между СССР и Японией договора о нейтралитете.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Марьясова Н.В. Иностраный капитал на Дальнем Востоке России в 20—30-е годы (концессии и концессионная политика Советского государства). Владивосток: ДВГУ, 2000. 169 с.
2. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств 1878—1917 гг. М-Л.: Гос. соц.-экон. изд, 1935. Серия 3: 1914—1917. Т. 8, Ч. 2. 528 с.
3. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств 1878—1917 гг. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1938. Серия 3: 1914—1917. Т. 10. 646 с.
4. Сахалинская нефть. Харьков, 1904. 25 с.
5. Хроника Сахалинской нефти // ОКНА-SAKH.NAROD.RU: сайт, посвящённый городу Оха и острову Сахалин. URL: http://okha-sakh.narod.ru/hronika_3.htm (дата обращения: 10.02.2016).
6. АВП РФ (Арх. внешней политики Российской Федерации).
7. ГАРФ (Гос. арх. Российской Федерации).
8. ГИАСО (Гос. ист. арх. Сахалинской обл.).
9. РГАСПИ (Рос. гос. арх. социально-политической истории).

REFERENCES

1. Mar'jasova N.V. *Inostrannyj kapital na Dal'nem Vostoke Rossii v 20—30-e gody (koncessii i koncessionnaja politika Sovetskogo gosudarstva)* [Mariasova n. Foreign capital in the Far East of Russia in the 1920s and 1930s (concessions and concessionary scheme of the Soviet State)]. Vladivostok, DVGU Publ., 2000, 169 p. (In Russ.)
2. *Mezhdunarodnye otnoshenija v jepohu imperializma. Dokumenty iz arhivov carskogo i vremennogo pravitel'stv 1878—1917 gg.* [International relations in the ear of imperialism. Documents from the archives of tsarist and provisional government 1878—1917]. Moscow, Leningrad, gos. soc.-jek. izd-vo Publ., 1935, series III, vol. 8, ch. 2, 528 p. (In Russ)
3. *Mezhdunarodnye otnoshenija v jepohu imperializma. Dokumenty iz arhivov carskogo i vremennogo pravitel'stv 1878—1917 gg.* [International relations in the ear of imperialism. Documents from the archives of tsarist and provisional government 1878—1917]. Moscow, gos. soc.-jek. izd-vo Publ., Series III, vol. 10, pp. 571—574. (In Russ.)
4. *Sahalinskaja neft'* [Sakhalin oil]. Khar'kov, 1904, 25 p. (In Russ.)
5. *Hronika Sahalinskoj nefti* [Chronicle of Sakhalin oil]. Available at: http://okha-sakh.narod.ru/hronika_3.htm (accessed 10.02.2016). (In Russ.)